

Александр Житинский

Параллельный мальчик

Часть сборника
Параллельный мальчик (сборник)

Александр Житинский

Параллельный мальчик

«Геликон Плюс»

1989

Житинский А. Н.

Параллельный мальчик / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1989

«Есть у нас в классе пацан. Его Файлом зовут, а по-настоящему он – Вовка Феденев. Раньше его звали Фофой, потому что он был толстый и шепелявил. Его спрашивали: «Как тебя зовут, мальчик?». А он пыхтел: «Фофа». Это вместо «Вова». Потешались над ним по-страшному: то дохлую крысу в ранец засунут, то последнюю страничку дневника прилепят липкой лентой к парте. Фофа дневник дернет – он и рвется... Много способов было. Фофа иногда ревел, но никогда не мстил – вот что удивительно...»

© Житинский А. Н., 1989

© Геликон Плюс, 1989

Содержание

Глава 1. Файл	5
Глава 2. Дружок на тайной директории	8
Глава 3. Батюшка Светы	12
Глава 4. Поиски Файла	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Житинский

Параллельный мальчик

Посвящается моей любимой старшей дочери Оле

Глава 1. Файл

Есть у нас в классе пацан. Его Файлом зовут, а по-настоящему он – Вовка Феденев. Раньше его звали Фофой, потому что он был толстый и шепелявил. Его спрашивали: «Как тебя зовут, мальчик?». А он пыхтел: «Фофа». Это вместо «Вова». Потешались над ним по-страшному: то дохлую крысу в ранец засунут, то последнюю страничку дневника прилепят липкой лентой к парте. Фофа дневник дернет – он и рвется... Много способов было. Фофа иногда ревел, но никогда не мстил – вот что удивительно.

А в шестом классе он вдруг резко похудел и увлекся компьютерами. Начал он с игровых автоматов, как и все мы. Часами торчал в фойе кинотеатров, палил из электронного ружья по зайцам и кабанам, гонял автомобили на экране и пускал торпеды по тральщикам. Монеток пробросал целую кучу, у него предки состоятельные, они ему давали, чтобы отвязаться.

Потом Фофе это надоело, как и нам. Мы разбрелись кто куда. Я ушел в восточные единоборства, многие записались в атлетическую гимнастику, а Фофа пронюхал про клуб начинающих программистов и подался туда. Мы про это после узнали, когда однажды на перемене я пробовал на Фофе новые приемы кун-фу и укладывал его на пол разными способами. Нежно укладывал, чтобы не повредить ему фэйс. Фофа не обижался – становился в стойку, кулачки свои сжимал и пытался сопротивляться. Но я его тут же вырубал, а наши начинали счет.

И вот он поднимается в очередной раз и говорит:

– Хватит. Зациклились.

– Чего? – спрашиваю.

– Тебе не понять. Вошли в процесс с бесконечным количеством повторений.

Я его, конечно, опять вырубил за такие слова. Пусть не умничает! У меня тоже специальных терминов навалом. Я же ими не козыряю.

Фофа поднялся, отряхнулся и изрек:

– Эррэ!

– Чего-чего?

– Неправильные действия оператора влекут за собою индикацию на мониторе.

– Фофа, сейчас в глаз получишь, – предупредил я, потому что мне это стало уже надо-еда-ть.

– В данном случае «Фофа» – это идентификатор. Остальное выражение представляет собою текстовой файл. Только я уже не Фофа! – вдруг заорал он и как пнет меня ногой!

Я от неожиданности свалился.

– Файл, говоришь? – спрашиваю с угрозой.

– Повторяю специально для баранов: файл, – невозмутимо отвечает Фофа.

Нашим это жутко понравилось. Все стали орать «файл!», «инден... – тьфу! – этот самый, в общем, -...фikator!» и даже «баранов-файл!». Это сгладило обстановку, поэтому я Фофе в глаз не дал. Точнее – Файлу, потому что с тех пор все про Фофу забыли, называли его только Файлом. И он откликался, не видел в этом ничего оскорбительного.

Кстати, моя фамилия – Баранов. А зовут Димка. Почему нашим так дико понравился «баранов-файл». Попытались даже ко мне эту кличку приклеить, но я быстро пресек. Пара приемчиков – и человек просветляется.

Я в то время учился колоть кирпич и отрабатывал концентрацию на киноварное поле. Кирпич я приволок со стройки, а про киноварное поле вычитал в специальной китайской книжке про все эти дела. Киноварное поле – это область под пупком, туда нужно устремлять мысли и дышать при этом дыханием ци. После чего – бац по кирпичу ребром ладони! По идее он должен расколоться. Но у меня пока не раскалывался. Концентрация мысли не та. А руку всю отбил, она у меня опухла и болела.

Между прочим, я не только по кирпичу колотил. Я книжки читал, потому что без книжек не сконцентрируешься как следует. Каждый день перед сном открывал такую небольшую китайскую книжку, называется «Бай Юй Цзин» – там всякие притчи – и читал по одной, концентрируясь. И думал при этом: «Я еще Файлу покажу, как расцветает вишня на горе Тайбэси! Вот овладею даром пяти проникновений – узнает он у меня!».

Дар пяти проникновений, чтобы вам было понятно, – это способность все видеть, все слышать, знать прошлые перерождения – свои и чужие, знать мысли других и беспрепятственно летать по воздуху. В последнем проникновении я слегка сомневался, потому что мне еще не приходилось встречать людей, которые беспрепятственно летают по воздуху. Как правило, одно препятствие есть всегда – от земли трудно оторваться.

Меня так заело с Файлом потому, что с той самой показательной тренировки, когда я Файла вырубал перед всем классом, роли у нас немного переменились. Раньше я был признанным авторитетом, меня даже немного побаивались, особенно когда я в кун-фу подался. Над Файлом же по привычке посмеивались, хотя он уже давно не был таким толстым и неповоротливым, как в первом классе. А тут он всех сразил этими идентификаторами и мониторами. А потом вообще пошел сыпать: драйвер, сканер, плоттер, процессор, модем... Винчестер, вот! Интерфейс! Я заикнулся было, что винчестер – это такая винтовка, ну в книжках про индейцев. Так он меня обсмеял.

– Винчестер – это твердый диск, – говорит. – Бывает на сорок мегабайт, но лучше – на восемьдесят.

Понял я, что одними кулаками с Файлом не справиться. Здорово он крышу нагрузил своими компьютерными штучками! Девчонки прямо млели, когда он в ихние обалдевшие интерфейсы кидал очередную порцию иностранной фигни.

– Стратифицированный язык, – заявляет, – это язык, который не может быть описан своими средствами. Для его описания необходим метаязык.

Язык бы ему вырвал за такие слова!

Девчонки кивают, делают вид, что врехали. А Файл перья распушит да еще для форсу вынет из ранца дискету – черненькую такую, гибкую, в бумажном конвертике.

– Здесь у меня несколько игр клевых записано. «Тетрис», «Гран При»...

– Как в игровых автоматах? – спрашивают.

– Игровые автоматы – фуфло! Это компьютерные игры.

Короче говоря, я в тот вечер чуть не расколотил свой кирпич, представляя на его месте Файла. Чуть-чуть злости не хватило или дыхания ци – я не знаю. Но кирпич попался крепкий – остался целехонек. А ребро ладони я расквасил в кровь.

Что меня в Файле особенно бесило – это его аккуратность.

Конечно, он отличником был, но это полбеды. У него всегда все было на месте – карандашики отточены, листочки пронумерованы, постоянно пользовался линейкой, чтобы разграфлять тетрадки, все учитывал, считал только на микрокалькуляторе, который при этом противно попискивал. Я не то чтобы неряха, но бывает – полдня ищу какую-нибудь бумажку или авторучку, все перерою, а она на самом видном месте лежит... Учился я до пятого класса на четверки и пятерки, потом стали троечки мелькать, а в седьмой класс еле переполз, потому что кун-фу началось. Особенно математику не любил, всякие алгебры и теоремы по геометрии. А Файл прямо ими упивался! Выйдет к доске и начинает мелом стучать: «дано», «требуется

доказать»... Сам он небольшого росточка, с длинными волосами, чтобы уши прикрыть. У него уши торчком. А я стригусь по-спортивному, под «ежик».

В конце первой четверти, уже в седьмом классе, наш математик сказал:

– Баранову ставлю «тройку» условно. Может, кто-нибудь поможет его вытащить? Голова-то у него есть, ее нужно только организовать.

Спасибо за комплимент. Я и сам знаю, что голова у меня есть.

И тут Файл говорит:

– Я могу его подтянуть за три урока. Я уже думал над этим.

– Ты надо мной думал?! – удивился я.

– Не над тобой, а вообще. Над методикой.

Сначала я хотел решительно отказаться. Не хватало, чтобы Файл меня подтягивал! Но сделал вид, что согласился. Хотелось узнать про его компьютерные дела. Раньше мы с ним мало общались, в основном, с помощью приемчиков кун-фу. А тут меня заело. Не может быть, чтобы я его математики не понял!

– Давай попробуем, – говорю.

– Только если он очень тупой, я откажусь, – сказал Файл.

– Я тупой?! – заорал я. – Да я за один урок все разбросаю. Одной левой!

– В общем, давайте, – говорит математик.

После урока Файл подошел ко мне, вытащил из кармана свой калькулятор – в нем электронные часы вмонтированы – посмотрел на цифры и говорит:

– Придешь ко мне завтра домой в семнадцать двадцать четыре. Пожалуйста, не опаздывай.

– А в семнадцать двадцать три нельзя? – спрашиваю.

– Можно. Но лучше в семнадцать двадцать четыре. Иначе тебе придется ждать целую минуту, пока я провожу Генриха Валерьяновича.

– А это кто?

– Это мой патрон.

Офигеть можно! Патрон от лампочки! Снова дома кирпич колот с остервенением и с тем же успехом. Ай да Файл! Человек новой формации. А может, он и не человек вовсе, а калькулятор?

Глава 2. Дружок на тайной директории

Я, конечно, плевал на файловы указания и пришел к нему в четверть шестого, за девять минут до назначенного срока. Знал бы, к чему приведет это посещение, – ни за что бы не пришел!

Дверь открыла Файлова мама – сравнительно молодая, то есть, хорошо сохранившаяся. Она у него пианистка, работает в Филармонии. Вся из себя интеллигентная, а может, притворяется.

– Вам кого, мальчик? – спрашивает.

Мне это сразу не понравилось. Если уж называешь мальчиком, то при чем тут «вы»? Мальчиков можно и на «ты».

– Мне Файла, – говорю. – То есть Вову.

– Вова освободится через восемь минут.

– Хорошо, я подожду. Можно?

– Посидите тут, – указывает она на старинное кресло в прихожей. – Вам дать газету, кофе?...

– Только газету. Если можно, «Вашингтон пост».

Глазом не моргнула, приносит «Вашингтон пост».

– Извините, она не совсем свежая. Третьего дня.

– Третьего дня я уже читал, – вздохнул я.

Она на меня заинтересованно посмотрела и осторожно так спрашивает: когда же я успел прочитать позавчерашнюю «Вашингтон пост» и где? Мол, даже в Американское консульство она приходит на третий день.

– Я вчера из Штатов прилетел, – брякнул я. – Был там на соревнованиях...

Пока мы так мило беседовали, Файл освободился, вываливается в прихожую вместе с бородатым человеком, похожим на Бармалея.

– А-а, ты уже здесь... Знакомьтесь, Генрих Валерьянович, это Дима Баранов, – говорит Файл.

Бородатый мне руку сжал, как клещами, глазами засверкал.

– Тоже программист? – спрашивает.

– Нет, он кунфуист, – отвечает Файл. – Я даю ему уроки математики.

Бармалей сразу утратил ко мне интерес и еще полминуты о чем-то говорил с Файлом. Я ни слова из их разговора не понял – одни термины. Вдобавок меня опять злость взяла: он дает мне уроки математики! Дождется, когда я кирпич раскрошу – тогда и ему не поздоровится! А сейчас терпи, Баранов! Прикидывайся валенком.

Валерьяныч оделся, раскланялся, а перед самым уходом вдруг поманил меня на лестницу.

– Можно вас на минутку?

Я вышел, как дурак. Думаю, может, что-нибудь приятное скажет? А он как набросится на меня!

– Паразитируешь на интеллекте? – кричит. – Зачем тебе, кунфуисту, математика?! Отвлекаешь человека от дела! У него каждая минута на счету! Ломай свои доски и не суйся сюда!

– Кирпичи, – поправляю.

– Ну, кирпичи... Нет, правда, парень, я тебе дело говорю. Пожалей талант.

– Это у Файла талант?

– У какого-такого Файла?

– У Вовочки вашего!

– Ну, не у тебя же! – искренне изумился он и ушел.

Я вернулся в прихожую в состоянии предельной концентрации. Файл не врубился, приглашает меня в комнату. Я туда вошел – батюшка Светы! На столе стоит персональный компьютер: цветной монитор всеми красками сияет, принтер и еще ящик с двумя шелками. Я потом узнал, что он называется процессор. И клавиатура, само собой.

– Откуда это у тебя? – спрашиваю.

– Генрих дал.

– Зачем?

– Я решаю для него одну задачку.

– Он всем компьютеры дает?

Файл посмотрел на меня с какой-то грустью и говорит:

– Нет, не всем. Только тем, на кого можно ставить.

– Как это?

– Ну, ты гонки видел? Там делают ставки на гонщиков. На одного можно ставить, а на другого – лучше не надо, потому что прогоришь. Потому что он слабый.

– Значит, ты сильный гонщик? – спрашиваю.

– Ты не обижайся, – говорит Файл. – Он же не кунфуист. Был бы он кунфуистом, может быть, поставил бы на тебя. А так он поставил на меня.

– А что за задачка? – спрашиваю.

– Долго объяснять.

Он уселся за компьютер, правую руку положил на мышку – это такая небольшая округлая пластмассовая коробочка, вроде мыльницы, но с тремя кнопками, от нее провод к процессору тянется – и принялся двигать по экрану маленькую электронную стрелочку. Экран ожил, появились какие-то буквы, картины, графики... Я смотрю, ничего не понимаю.

– Садись рядом, – сказал Файл.

Я уселся. Он вызвал на экран геометрическую картинку, которая оказалась иллюстрацией к теореме о биссектрисе и медиане прямого угла треугольника. Затем Файл в два счета доказал эту теорему. Я, как замороженный, смотрел на экран, где двигались линии, возникали треугольники, буквы, равенства...

– Понял? – спросил он.

– Чего ж не понять? А игры у тебя есть? Черт с ней, с геометрией! Данилыч уже трояк вывел. Обидно компьютер так бездарно использовать.

Файлу и самому не хотелось заниматься ерундой. Он нажал на кнопку «мыши», и на экране появилась игра под названием «Тетрис». Там сверху на картинке падают фигурки из четырех клеточек: квадрат, полоска, буква «г», буква «т» и зигзаг. Все возможные варианты. А их надо укладывать внизу сплошными рядами при помощи кнопочек клавиатуры, чтобы не оказывалось пустых клеточек. Оказывается, это трудно. Я попробовал, но мне это быстро надоело. Тогда Файл настроил компьютер на игру «Гран При». Это гонки на автомобилях. Вот это да! Я вцепился в клавиатуру и повел свой нарисованный автомобильчик «Феррари» по нарисованной трассе. Я даже вспотел – ужасно трудно удержаться на шоссе, меня несколько раз выносило на обочину. В конце концов я не справился с управлением и воткнулся сзади в соперника – автомобиль марки «Хонда». Компьютер издал хриплый звук и написал на экране, что я дисквалифицирован.

– Здоровски, – сказал я. – Ты, небось, каждый день играешь...

– Не-а, – сказал Файл. – Есть вещи поинтереснее.

Он вдруг стал поглядывать на свои электронные часы и ерзать на стуле. Я понял, что пора сматываться. Но мне не хотелось. В кои-то веки дорвался до компьютера – и сразу уходить! Я сделал вид, что не замечаю. Знал, что Файл меня грубо не выставит – как-никак из интел-

лигентной семьи. У меня бы сразу мамка сказала: пора и честь знать. Сижу, значит, двигаю автомобильчик. Файл сидит рядом, скучает.

Вижу, совсем ему неважно стало, хочет заняться своими делами, а я ему мешаю. Но сказать не может. Я же мчусь по трассе на экране и в ус не дую. Наконец Файл не выдержал, встал на стул, достал с верхней книжной полки третий том «Детской энциклопедии» – большой такой, желтый. А в него засунута дискета в бумажном конверте.

Он дискету вынул из конверта, том на место поставил.

– Димка, дай мне, у меня выход на связь. Нельзя пропускать, а то он обидится, – говорит Файл и меня легонько от клавиатуры отодвигает.

Я отсел в сторону, смотрю. Интересно все же – с кем Файл собирается выйти на связь? Это же компьютер, а не радиопередатчик.

А он сунул дискету в процессор, принялся быстро набирать что-то на клавиатуре. По экрану значки и буквы поползли.

– Тут у меня тайная директория... – бормочет.

Ну, я не понимаю, конечно, что это за тайная директория. Но жутко интересно. На экране появилось нечто вроде дерева – ветвистая схема. Файл ткнул пальцем в одну веточку, рядом с которой было написано слово MALCHIK.

– Видишь?

– Ну, вижу...

Файл нажал кнопку, на которой было написано слово «Enter». На экране возникла картинка, как в мультфильме: по бескрайней зеленой равнине мчался фургон, запряженный лошадьми. За фургоном гналась кавалькада индейцев, тоже на лошадях. Они стреляли из винтовок по фургону, оттуда им тоже отвечали выстрелами. Крошечные разрывы пуль вспыхивали на экране белыми хлопьями и тут же исчезали.

– Красиво? – спросил Файл. – Это такая игра. Я сам придумал и запрограммировал.

Он стал помогать преследуемым расправиться с индейцами, нажимая на кнопки. Вскоре всех индейцев перебили. Фургон проехал еще немного и остановился. Из него вылез маленький мальчишка в широкополой шляпе и в джинсах. Он взмахнул шляпой, и вдруг из компьютера донесся его механический писклявый голос:

– Привет, Повелитель!

Я увидел, что по лицу Файла скользнула довольная усмешка. Ему явно нравилось, что его называли Повелителем.

Файл быстро набрал буквами под картинкой слово «привет!».

– Куда мы сегодня отправимся? – пропищал мальчишка.

– «В Техас», – набрал на клавиатуре Файл.

– О'кей! – сказал он и снова залез в фургон.

Лошадки на экране дернули с места в карьер. Файл нажимал на кнопки, управляя ими, как я – автомобильчиками.

– Кто это был? – спросил я.

– Мой дружок Джонни, – ответил Файл. – Я придумал его от нечего делать, теперь с ним общаюсь.

– А как он тебя понимает?

– Ну, это долго рассказывать. Это целая наука. Такого Джонни еще ни у кого нет. Я пока держу его в секрете, вот когда научу его понимать мой голос, я его продам.

– Кому?

– Фирме «Майкрософт». Или еще кому... Он стоит двадцать миллионов долларов.

«Ни фиги себе!» – подумал я.

– Только ты никому не говори, – сказал Файл. – Впрочем, разболтать ты не сможешь, потому что не сечешь в этом деле.

– А Генрих твой знает о Джонни? – спросил я.

– Он знает, что я над ним работаю. Но не знает пока, что умеет делать Джонни.

– А что он умеет? Стрелять? – спросил я.

– Он умеет думать и говорить, – сказал Файл. – Слышать пока не умеет, а читать – пожалуйста!

Файл принялся снова колдовать над клавиатурой, и вдруг на экране появились летящие вертолеты – три штуки. Они принялись обстреливать фургон с воздуха. Фургон остановился, из него выскочил обеспокоенный Джонни, принялся палить из винтовки по вертолетам. Но в этом было мало толку. Тогда Файл подкинул ему небольшую ракетную установку. Джонни обрадовался, пустил ракету и сбил вертолет. Тот взорвался и растаял в воздухе. Джонни подпрыгнул от радости, быстренько сбил остальные вертолеты и вытер пот со лба.

– Предупреждать надо, – пропищал он с экрана. – Я на вертолеты не подписывался.

– «Ничего, – написал ему Файл. – Еще не то будет в Техасе».

– А когда ты сам постреляешь? – спросил Джонни.

– «Мне пока некогда», – ответил Файл.

А дальше на экране возник Техас, ковбои, вооруженные с головы до ног, мустанги и все такое. Джонни сразу же сцепился с тремя верзилами, они устроили бешеную пальбу у дверей салуна, в результате Джонни всех уложил, выпил пепси-колы, потому что виски ему еще рано, и заметил:

– Стрелять никто толком не умеет.

– «Ладно, не хвастайся», – ответил Файл.

Короче говоря, ушел я от Файла несколько обалдевший. Не думал я тогда, что знакомство с Джонни перевернет всю мою жизнь, но настроение упало. Даже мой любимый цигун вдруг показался мелким и недостойным внимания. Ну, выучу я приемчики, смогу тоже верзил вырубать, как Джонни, только без пистолета. Ну, и что?... А Файлу какой-то «Майкрософт» отвалит двадцать миллионов долларов за этого MALCHИKa. И дело не в двадцати миллионах. Он прославится на весь мир, этот лопухий Файл. А я не прославолюсь.

Глава 3. Батюшка Светы

Тут как раз каникулы начались после первой четверти. Я с Файлом расстался, больше к нему не ходил. Налег на тренировки и китайскую литературу. Начал осваивать буддизм. Он мне сразу понравился. И еще у меня были планы насчет Светки.

Светка Воздвиженская у нас считается первой красавицей и вообще клевой девчонкой. У нее ноги длинней, чем шея у жирафа. Начинаются сразу от плеч. Правда, она за счет ног выше меня сантиметра на три, но это временно. Она, говорят, уже перестала расти, а я еще надеюсь.

Светка тренируется на фотомоделю. Смотрит все время по телевизору конкурсы красавиц, отрабатывает походку и жесты. Физиономия у нее – дай Бог каждой, ей бы теперь только походку. Светке осталось года два, в пятнадцать лет можно уже выставять свою кандидатуру на конкурс.

Одно маленькое обстоятельство препятствовало Светке стать фотомоделю. Дело в том, что ее отец, Василий Петрович Воздвиженский, – священник. Ну да, поп, служит службы в церкви на Большеохтинском кладбище. У них вообще фамилия поповская, предков всех большевики расстреляли, а Василий Петрович не побоялся пойти в Духовную академию после армии. Он еще сравнительно молодой – тридцать шесть лет. Его церковное имя – отец Иннокентий. Батюшка Светы, короче говоря. Вот почему у меня это уже устойчивое восклицание – батюшка Светы!

То есть закона такого нет, чтобы дочери священнослужителей не могли становиться хоть кем – балеринами там или манекенщицами. Но неудобно. Позоришь батюшкин сан. Батюшка Светы очень неодобрительно отзывался обо всех этих конкурсах красоты, поэтому Светка тайком от него отрабатывала походку и манеры.

Ну, батюшка – Бог с ним! Меня другое больше волновало. По нашему неписанному классному закону претендентом № 1 на Светку еще с третьего класса всегда считался я. Дело не в том, что мы дружили. Мы особенно и не дружили. Но никто другой не имел права даже на такую дружбу без моего разрешения.

А тут возник Файл со своими идентификаторами. Светка сразу наострила уши. Девчонки к таким делам чуткие. А когда я услышал, что «Майкрософт» обещал Файлу двадцать миллионов долларов, я совсем затосковал. Уведет Файл Светку, пользуясь своими долларами. Особенно, когда она станет «Мисс Европы» или даже «Мисс Мира». А в последнем я ни секунды не сомневался.

Поэтому я решил посвятить каникулы Светке, то есть восстановлению своих позиций. Цигун здесь не годился, девушкам нужно что-нибудь поэтическое. Я направился в библиотеку и отыскал еще одну китайскую книгу, называется «Шицзин». Там стихи и песни. Теперь предстояло назначить Светке свидание.

Я позвонил ей по телефону. Трубку снял священнослужитель и своим приятным баритоном сказал:

- Я вас слушаю.
- Добрый день, батюшка, – сказал я.
- Добрый день, сын мой.
- Можно позвать Свету?
- Можно, сын мой.

Светка подошла и, несколько удивившись моему звонку, все же согласилась встретиться. Я назначил ей встречу в мороженице на Большом проспекте Петроградской стороны. Днем там всегда мало народу, можно посидеть, попить молочного коктейля с пирожными и съесть мороженого. Денег я заранее накопил.

Светка пришла нарядная и красивая – сил нет! В курточке такой беленькой с капюшоном, отороченным мехом.

– Ты что, Димка, ухаживать за мной вздумал? – смеется.

– Вздумал, – отвечаю.

Сели мы за столик, я мороженое принес. Светка смотрит загадочно, глаза мерцают. Я как подумаю, что с будущей «Мисс Мира» сижу, так немного холодею.

Начал осторожно задвигать ей про Будду. Слушает. Пока не понять – интересно ей или нет. Я дальше иду: рассказываю про китайские книжки, про их древнюю мудрость и прочее.

– Хочешь, – говорю, – стихи послушать?

– Давай, – кивает.

И вот, пока она пирожное уплетала, я ей читанул классный стих из «Шицзин», который выучил наизусть накануне. Называется «Дева вместе со мной в колеснице».

Дева, что вместе со мной в колеснице сидит,

Сливы цветок мне напомнила цветом ланит...

– Чего? – Светка спрашивает.

– Что – чего?

– Цветом чего?

– Ланит.

– А что это такое – «ланиты»?

Вот это номер! А я и не знаю. Когда учил стихи, пропустил мимо ушей. Ну, ланиты и ланиты! Мало ли что они там в Китае придумают.

– Неужели ты не знаешь, что такое ланиты? – спрашиваю я, чтобы потянуть время.

– Не знаю, – капризно так отвечает.

Чувствую, что если сейчас не расскажу ей все про ланиты, уйдет навеки. Надулась уже, ложечкой в мороженом ковыряет.

– Сейчас я еще соку принесу, – сказал я и поднялся.

Оглядываюсь вокруг – и вдруг на мое счастье вижу в углу старушку за мороженым. Такая типичная петербуржка, в шляпке и в очках. Бросаюсь к ней.

– Бабушка, вы не можете мне помочь?

– Во-первых, невежливо называть даму, пусть и пожилую, бабушкой, – говорит она. – Во-вторых, я тебя слушаю.

– Что такое «ланиты»?

– Эх, дитя мое... – вздохнула она. – Ланиты – это... А зачем тебе?

– Встретилось такое китайское слово в книжке, а я не знаю...

– Ланиты – это щеки, мой мальчик. И слово это – русское, только старое. Господи, что за век, что за нравы! – снова вздохнула она.

Я бросился к Светке, поставил стаканы с соком.

– Ну, что такое ланиты? – она не отступает.

– Ах, ланиты... Ну, это и ежу понятно. Ланиты – это щеки. По-древнерусски.

– Правда? – удивилась она и даже пощупала свои щеки. А они у нее, как цветок сливы, правда, хотя я цветка сливы никогда не видел.

В общем, вышел я из трудного положения и значительно укрепил свою репутацию посредством китайских стихов и русских ланит. Светка рассталась со мной задумчивая. Что-то я заронил в ее душу. Мне бы теперь еще кирпич расколоть – и все в ажуре.

После каникул приходим мы в школу, чувствуем – какая-то паника. Учителя бегают, милиционер прошел по коридору, да не простой, а майор. Собрались мы в классе, вбегает наша Клавдия Антоновна, ей два года до пенсии, и заявляет:

– Ребята, кто видел Володю Феденева и когда?

Все стали припоминать. Я тоже припомнил и сказал:

- Видел неделю назад у него дома.
- А потом?
- Потом не видел.
- Господи, какое несчастье! – восклицает Клавдия.

Мы, конечно, стали выяснять и выяснили. Батюшка Светы! Файл три дня как пропал. Никто его в глаза не видел – ни папа, ни мама, ни милиция. При его аккуратности и умении считать каждую минуту – это ужасное и пугающее происшествие. Главное, непонятно, откуда он исчез, потому что вся его верхняя одежда осталась дома – пальто там, ботинки, шапка вязаная. Не мог же он в ноябре выйти из дому налегке? И дома его нет, все обыскали.

Мы перепугались, особенно девчонки. А тут еще милиционер пришел и стал дальше пугать: нельзя разговаривать с неизвестными, нельзя с ними никуда ходить, нужно избегать темных дворов и пустынных улиц... Короче, запугал до смерти.

Жалко, конечно, Файла. Он придурок, но талантливый. Может, вышло бы из него что-нибудь путное. Или загреб бы свои доллары, мне не жалко. А вот исчез – и как будто не было.

Глава 4. Поиски Файла

Прошло несколько дней, а Файла как не было, так и нет. Учителя ходят озабоченные, шушукаются. Файлова мама приходила несколько раз – лица на ней нет, одни глаза в мешочках. По телевизору каждый день Файла показывают в программе «600 секунд», говорят, что пропал.

А мы ничем помочь не можем!

Решили мы действовать сами, на милицию не надеяться. Собрались после урока в спортивном зале, дверь заперли. Было нас четверо: Светка Воздвиженская, Леня Сойбельман, он лучше всех ребусы отгадывает – сообразительный, Вадик Денисов и я. Вадик у нас авторитет по аномальным явлениям. Экстрасенсы, парапсихология и прочая чушь, я к ней отрицательно отношусь, потому что дурят людям башку, не то что древние китайцы.

Но здесь случай явно аномальный, поэтому пригласили и Вадика. И он сразу выдал:

- Файла похитили инопланетяне, как пить дать! Их почерк.
- Зачем он им? – Светка спрашивает.
- Он клевый программист, такие инопланетянам нужны.
- Много ты знаешь про инопланетян! – говорю.
- А вот и много! – обиделся Вадик.
- Рэкетеры его похитили, а не инопланетяне, – сказал Леня.
- А рэкетерам он зачем? – опять Светка.
- Папа у него кто – забыли?

И Леня развил довольно стройную теорию. Файлов папа, Сергей Ильич Феденев, – генеральный директор совместного предприятия со шведами. Вроде бы они хотят построить гостиницу и ресторан в центре города, у них уже есть офис, то есть представительство. И деньги в кронах. А рэкетерам кроны нужны. Вот они и похитили Файла, чтобы впоследствии выменять его на кроны.

- Чего же не меняют? Чего ждут? – спросил я.
- Выдерживают. Чтобы горе родителей стало неопишным, – говорит Леня.
- Оно уже неопишимо. Что ты предлагаешь? – спрашиваю.
- Выследить, где их притон. Файл наверняка там сидит.
- Я за версию инопланетян, – говорит Вадик.
- А я за версию рэкетиров, – говорю.
- Нет, я тоже за инопланетян, – неожиданно сказала Светка. – Это гораздо правдоподобнее.

Вот так номер! Знал бы, что ей инопланетяне больше рэкетиров нравятся, тоже за них голосовал бы. А так мы со Светкой оказались в разных командах. Учитывая плюрализм, решили действовать независимо, но в содружестве. Они ищут НЛО, а мы – бандитский притон. На этом и разошлись.

Неизвестно, кого труднее искать – пришельцев или рэкетиров. Мы с Ленькой узнали адрес офиса Файлового папаши и отправились туда. Он оказался на Адмиралтейском проспекте. Смотрим – красивая новая вывеска под бронзу: «СП Бранда». У подъезда «мерседес» стоит. Никаких рэкетиров не видно.

Подождали мы минут десять, уже сомневаться стали в своих планах, как вдруг видим – к подъезду подкатывают три черных лимузина. На переднем – шведский флажок. Из них выходят господа в дорогих пальто, а на улицу из офиса высыпают несколько молодых людей при галстуках. Улыбаются, жмут господам руки, ведут в офис.

Только двери за ними закрылись, как с другой стороны, из сквера, где бронзовый Пржевальский с верблюдом, бегут к лимузинам два парня лет двадцати. Оба коротко стрижены, в кожаных куртках и брюках, заправленных в сапоги. На вид очень крепкого телосложения.

Подбегают они к водителю второго лимузина и начинают с ним через приоткрытое стекло о чем-то говорить. До нас какие-то иностранные слова доносятся. Смотрим – водитель отрицательно головой трясет. Тогда они к следующему. Тот их выслушал, засмеялся и сквозь окошко что-то протягивает. Какую-то коробочку. Парень взял, сунул шоферу деньги, и они, заложив кулаки в карманы курток, быстро направились к Невскому.

– Рэкетеры! Зуб даю! – шепчет Ленька.

Мы за ними рысцой. Свернули на Невский, дошли до Казанского, опять свернули и оказались у коктейль-бара. Рэкетеры зашли в него. Мы за ними. Там в гардеробе накурено, толкуются подозрительные личности. Сплошная мафия. Не успели мы с Ленькой ничего сообразить, как я почувствовал, что меня берет за шиворот железная рука. Вижу краем глаза – Леньку тоже хватает и тащит куда-то парень, точь-в-точь похожий на наших рэкетиров. А кто меня волокет – не вижу, не могу обернуться, так крепко он меня за ворот держит.

Подтащили нас к рэкетирам, и Ленькин недруг говорит:

– Вот они. Следили за вами от Адмиралтейства.

– Чего-о? – удивился один. – Эти шибздики?

Мне наконец удалось оглянуться. Ничего нового не увидел. Такой же верзила с коротким ежиком, в кожаной куртке, под которой бицепсы вздуваются.

– Пошли, разберемся, – угрожающе мой говорит.

Потащили нас через весь коктейль-бар в угол. Там за столиком целая компания таких же. Что-то тянут из соломинок и жуют. Желваки на скулах ходят. Все мрачные, хоть бы кто улыбнулся. Ну, и нам с Ленькой, конечно, не до улыбок.

Тут я разглядел, что один там все-таки был непохожий на остальных. Такой кривоватый старик с большим ртом, лет сорока, наверное. Его кличка, как потом выяснилось, была почему-то Чиполлино. И он был у них самый главный.

– Что случилось? – спросил Чиполлино.

– Да вот мальцы... Следили, – объяснил мой конвоир.

Чиполлино поглядел на нас, странно как-то почесал ухо, как обезьяна, рот скривил и вдруг проскрипел:

– На кого работаете, пионэры?

– Как это? – пискнул Ленька.

– Кто вас подослал? Антоний?! Отвечайте! – гаркнул Чиполлино.

– Не-ет, не Антоний... – мотаем головами.

– А кто? Вениамин? Подшипник? Кем направлены?

И тут меня осенило.

– Интерфейсом, – говорю.

– Кем? Это фирма или кличка?

– Не знаю. Платит Интерфейс.

– Сколько? – подозрительно спросил Чиполлино.

– Тысячу баксов, – сказал я, не очень понимая, что такое «баксы».

Рэкетеры задумались, потом, склонив головы в кружок над столом, о чем-то зашептались. Лишь один не шептался, крепко держал нас с Ленькой.

Наконец они закончили совещание, и Чиполлино произнес приговор:

– Майкл и Ферри повезут щенков на Турбинную разбираться. Вытянуть из них все. Не калечить, нам они еще понадобятся. Но проучить хорошо, чтобы забыли о своем Интерфейсе.

– Чиполлино, я один справлюсь, – сказал тот верзила, что нас держал. – Пускай Майкл остается.

– О'кей, – сказал Чиполлино.

Ферри одной рукой выволок нас на улицу и запихнул в «Жигули», стоящие у памятника Барклаю де Толли. Он усадил нас с Ленькой сзади, запер на ключ, а сам уселся за руль.

И тут Ленька сломался.

– Дяденька, миленький, отпустите! Меня мама ждет, я больше не буду! Не знаю я никакого Интерфейса! Отпустите, дяденька! – занял он.

– Молчи, гаденыш пархатый, – сказал Ферри, и мы поехали.

Однако только повернули с Невского на Фонтанку и проехали чуть-чуть, как Ферри свернул на тихую улицу Рубинштейна и там остановился.

Было уже темно, фонари не горят, прохожих мало. Блестели лужи от вчерашнего дождя. Где-то в подворотне закричала кошка, будто ее режут.

Жутко.

– Ну, щенки, некогда мне с вами возиться, – обернулся к нам Ферри, с минуту оглядывал нас, а потом вдруг страшно захохотал.

Ленька с перепугу заплакал. Я зубы сжал: будь что будет.

А Ферри вышел из машины, открыл ключом заднюю дверь и выволок меня на темную улицу.

Неужели убивать будет? За что?!

Но он, не выпуская моего рукава, снова запер машину, в которой остался плачущий Ленька, и, поигрывая ключами, направился к двери подъезда, таща меня за собою.

В темном просторном парадном с каменным полом Ферри поставил меня перед собою и вдруг сдавил мне горло своими заскорузлыми волосатыми пальцами.

– Удавлю, как цыпленка, понял? Где Интерфейс?!

– Зачем тебе Интерфейс? – прохрипел я.

– Говори про Интерфейс!! – рычал он, сдавливая горло.

Я уже и не рад был, что ляпнул про Интерфейс. Ишь как он завелся! Знал бы он, что это такое на самом деле, ни за что бы так не волновался.

– Хорошо. Скажу, – выдохнул я из последних сил.

Ферри отпустил горло.

– Интерфейс заплатит тебе пять тонн, если выпустишь нас. И еще десять тонн, если сдашь Чиполлино, – сказал я.

– Сукой будешь? – спросил Чиполлино.

– Зачем? Буду по-прежнему Митчелом-младшим, как зовут меня в нашей конторе, – нес я со страха невообразимую околесицу.

Слава Богу, Ферри попался тупой. Челюсть отвесил, смотрит своим небритым лицом.

– Так ты не ментами послан?

– Ха! – воскликнул я. – Ментами! Да менты у нас вот где! – и я сжал кулак, сконцентрировав все дыхание ци, которое у меня в тот момент было.

– Согласен! Сдам Чиполлино, – по-восточному жарко зашептал Ферри. – Всех сдам, только денежки в баксах!

У него даже глаза засветились при мысли о долларах. Одухотворенный стал такой, что хоть ешь его с маслом. А в сущности, предатель. Готов заложить всех своих за деньги.

– Ладно, отпускай нас, – команду.

– Нет уж, еврейчика подержу, пока твои интерфейсы баксы не принесут. А если сбежишь, я твоему жидконогому другу кишки вырву и на карданный вал намотаю.

И вдруг меня такое омерзение взяло к нему, такая злость, что я без всякого дыхания ци и концентрации на киноварном поле впервые в жизни выполнил прием, который по-китайски называется фэй-май-цяо – «нога, летящая, как перо». Никогда на тренировках у меня этот прием не получался. А тут я отпрыгнул, благо подъезд широкий, взмыл в воздух и пяткой поразил Ферри в челюсть. Он рухнул, как шуба с вешалки, ключи от машины выронил, они зазвенели. Я быстренько их подобрал – и на улицу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.